

Вышел 76-й номер журнала «Вся Европа»

Уважаемые читатели! Вышел в свет новый 76-й номер интернет-журнала «Вся Европа», издаваемого Европейским учебным институтом. В нем, как и во всех предыдущих, рассказывается о происходящем в Европейском Союзе и отношениях между Россией и ЕС. Анализируются последние события и новейшие тенденции в политической, экономической, социальной и культурной жизни и правоприменительной практике ЕС и его государств-членов, интересные для российского читателя.

Жанр вводной статьи не позволяет начинать ее с эпиграфа. Жаль. Это обидное ограничение. Без зазрения совести от него бы отказался. Уж очень красиво описывается переживаемое сейчас Евросоюзом в одной из редакционных статей популярной французской газеты «Монд». Судите сами. Выстраиваемый в ней образный ряд говорит сам за себя. Проследите за элегантною противопоставлений. «Не стоит отчаиваться. Для ЕС не все потеряно. Да, он тонет в омуте кризиса. Задыхается под грудой несусветных долгов его членов. Пытается стряхнуть затянутую у него на горле удавку рецессии. Все ниже падает в глазах общественного мнения. Посылается куда подальше протестным голосованием избирателей разных стран. Принимает бюджет по самому низкому общему знаменателю, на который его обрекают национальные эгоизмы. И все же продолжает идти вперед»[1]. Не правда ли, классно написано. Лучше не придумаешь. И, главное, верно схвачено. Во всяком случае, в той части, которая касается тягот, переживаемых ЕС.

Только, прочитав о преодолеваемых невзгодах и несгибаемой воле интеграционного объединения, рассчитываешь, что далее последует какая-то очень радостная ожидаемая новость. Радостная, конечно, – для ЕС, государств-членов, европейских народов. Что-то о решающем шаге на пути превращения ЕС в действенный политический союз, наделения его подлинно демократическими институтами, создания Соединенных Штатов Европы, прорыве в отношениях между Россией и ЕС. Увы, ничего подобного. Вас ждет обидное разочарование.

Речь идет всего лишь о том, что после долгих месяцев мучительных переговоров (отправной точкой можно считать ноябрь 2008 г., когда введение потолка вознаграждений впервые упоминалось на G20) государствам-членам удалось-таки договориться... об ограничении бонусных выплат руководителям финансовых учреждений. Сколько бы они не заработали для своих банков, фондов и т.д., они будут не вправе теперь претендовать больше, чем на одну дополнительную зарплату. В крайнем случае, на две – чтобы Великобритания совсем уж не расстраивалась (но с согласия акционеров)[2]. В середине апреля 2013 г. Европарламент, подготовив заключение в кратчайшие возможные сроки, поддержал решение, согласованное на межгосударственном уровне.

Мера, безусловно, нужная, важная, направленная на то, чтобы навести порядок в столь деликатной сфере, как выплата вознаграждений, поубавить тягу банкиров к финансовым спекуляциям и успокоить публику, которой покоя не дают чужие деньги. Но выстраивать ради ее восхваления такой образный ряд – нет уж, увольте. Так и хочется сказать: в который раз гора родила мышь. Хотя авторы передовицы и оговариваются, что речь идет о мере, которая

встраивается в общий ряд вместе с имплементацией правил Базеля-Ш, принуждением банков раскрывать все параметры своей деятельности в условиях налогового рая и вообще передавать информацию иностранным налоговым органам в автоматическом режиме и т.д.

Но сегодня, после разгрома маленького Кипра (о различных точках зрения по этому поводу рассказывается в статье «Что сломалось после кипрского выкупа» из рубрики «Тенденции и прогнозы»), все меры, предпринимаемые ЕС, воспринимаются скептически. Слишком пограбительно разбойно, беззастенчиво, лживо все было сделано. Насколько, вслед за предыдущим обстоятельно разбирается в новом выпуске журнала. В нем подробно анализируется, к каким последствиям привел навязанный островному государству т.н. пакет помощи. Для Кипра (о росте потребностей до 23 млрд евро в материале «Кипр: а долги растут?» из рубрики «Дневник событий»), для ЕС, России, восприятия европейского проекта в мире в целом (так, анализ отличия кипрской модели от исландской дается в материале «Почему Кипр – не Исландия» из рубрики «В фокусе»). И как он принимался (детальное нюансированное описание дается в комментарии «Опасно быть безжалостным» из рубрики «Политика»). После истории с Кипром у многих с глаз спала пелена. ЕС кому-то ставится в пример? ЕС кого-то пытается поучать? ЕС выдается за идеал? Побойтесь Бога – о чем таком теперь можно говорить после демонстрации Брюсселем двурушничества и откровенного попрания элементарных норм права, морали и солидарности ради конъюнктурных политических выгод[3] (как описывается в материале «Кипрское эхо в России» из рубрики «Взгляд из Москвы»).

По сути, отмечается в ряде статей номера, произошло спонтанное перерождение ЕС (в чем именно, разъясняется в статье «Что сломалось после кипрского выкупа» из рубрики «Тенденции и прогнозы»). Союз уже не тот, что был вчера. Из постмодерна он откатился в домодернистскую эру, когда господствовали принципы «своя рубашка ближе к телу» и «спасение утопающего – дело рук самого утопающего». В ЕС возникли две зоны евро: одна – со свободным его обращением, вторая – с ограниченным (как указывается в материале «Возникнет ли на Кипре «черный рынок» евро» из раздела «Тенденции и прогнозы»). ЕС распался, с точки зрения осознания своих интересов, тоже на несколько зон (об этот несколько ниже). И кто, что и сколько значат в ЕС, тоже стало по окончании эпопеи с кипрским вариантом «грабь награбленное» намного яснее.

Причем, если вы подумаете, уважаемые коллеги, что в материалах выпуска дается слишком уж обидная критика сотворенного ЕС, или что кто-то перегибает палку, то будете неправы. В самых респектабельных ведущих мировых СМИ вы найдете гораздо более хлесткие оценки. Так, некоторые комментаторы в эпизоде с Кипром усматривают недостаточно четко проведенную антироссийскую кампанию. Мол, надо было сработать лучше, четче, скоординированнее, чтобы никакие российские олигархи не успели вытащить с острова свои деньги.

Другие усматривают в нем начало конца ЕС. Логика размышлений, которой они придерживаются, примерно такая. Смерть любой международной структуры занимает длительное время. Распад происходит постепенно. Скольжение к дезинтеграции вначале трудно заметить. Только потом, с годами, все всем становится ясно. Пообещав предпринять все, что только потребуется для спасения евро, глава Европейского центрального банка Марио

Драги оказал ЕС и еврозоне медвежью услугу. Да, в краткосрочной перспективе он стабилизировал европейскую валюту. Но не в долгосрочной. До сделанных им обещаний, когда, чтобы спасти свою шкуру, надо было идти на колоссальные жертвы, национальные элиты были готовы запускать самые болезненные структурные реформы. Им просто некуда было деться.

ЕЦБ дал всем индульгенцию. Сразу же стало возможным отбрыкиваться, скалить зубы, перебрасывать бремя спасения еврозоны на других. Вместо проведения настоящих жизненно необходимых реформ началось политиканство, заигрывание с электоратом, поиски виновного, споры по поводу проводимого ЕС политического и социально-экономического курса и т.д. Безответственность, отход от курса на осуществление радикальных реформ – это и есть симптомы глубоко запущенной болезни, спастись от которой уже не получится.

Политическим элитам, пишет участник проекта «Управление глобальным порядком» из Бруклинского института Томас Райт, больше не нужно поступать по максиме, некогда сформулированной Уинстоном Черчиллем: «иногда нам надо делать не только все то, что в наших силах, но и то, что требуется». Правительства региона перестали проводить политику, необходимую для того, чтобы европейская валюта оставалась состоятельной. Германия опустила руки, отказавшись лоббировать включение в учредительные договоры ЕС положений о более тесном политическом и фискальном союзе. От банковского союза на самом деле остались рожки да ножки. Надзор за финансовыми институтами – это одно, а объединение долгов – совсем другое. Решения по наиболее сложным пунктам долгосрочной повестки дня отложили на завтра, ограничившись лишь сиюминутными решениями.

Апофеоз наступил, когда лидеры ЕС и еврозоны решились на проведение крайне странной и неудачной операции по спасению Кипра. Это знаковое событие. Оно явилось первым реальным проявлением дезинтеграции. По некоторым важнейшим параметрам островное государство оказалось выкинутым из еврозоны. Момент истины, по всей видимости, настанет, когда к власти в одном из периферийных государств региона придут круги, которые не только на словах, но и на деле приступят к реализации мандата на то, чтобы не поддаваться диктату Брюсселя и Берлина, полученного от народа. И в Италии, и в Греции ЕС был уже в двух шагах от этого. Так что, если Союз и впредь будет ограничиваться полумерами, предупреждают вполне нейтральные сторонние наблюдатели, ему не избежать дальнейшей дезинтеграции[4].

«Эксперимент с евро проваливается, — констатирует известный колумнист, автор книг по внешней политике США Уильям Пфафф. — Европейский Союз можно будет спасти во многих других отношениях, но единая валюта была безумной затеей»[5]. В умах людей еврозона уже распалась на Юг и Север, хотя Франция по-прежнему бьется над тем, чтобы склеить кусочки. По южанам кризис ударил сильнее всего. Однако северяне навязали партнерам жесточайшую экономию, от которой им стало еще хуже. Теперь они начинают убеждаться в том, что и их нынешнее развитие событий не устраивает. К тому же вместо благодарности они слышат одни упреки. Не удивительно, что и в Германии усиливаются националистические настроения. Теперь, вслед за Джорджем Соросом, немцам можно посоветовать только одно: плюнуть на евро. Им от этого будет явно легче. И других они отпустят на свободу, дав возможность прибегнуть к традиционным кейнсианским рецептам девальвации валюты и стимулирования экономики.

Ему вторит британец Самуэль Бриттан. Только, ссылаясь якобы на других, он с издевкой предлагает несколько иной вариант. Германия покидает зону евро. Дойче марка моментально подпрыгивает вверх по отношению к другим валютам. Тогда Германия возвращается после пересчета паритета валют внутри еврозоны. Естественно, если последняя сохранится, что весьма маловероятно. Но автора идеи такая перспектива нисколько не беспокоит. Мол, пусть по этому поводу переживают евроэнтузиасты. В смысле сторонники не ЕС, а именно евро[6].

Наши авторы не разделяют столь экстремальных, назидательных, а порой даже эпатажных подходов. Они отмечают лишь, что правила игры, ранее принятые в ЕС, похоже, изменились. И весьма существенно.

Причем правила игры пошли каскадно эволюционировать не в самое подходящее время. На трансформацию ЕС наложилась вереница скандалов, этических, коррупционных и некоторых других, в ведущих странах интеграционного объединения. Прежде всего, во Франции (см. «Запоздалое признание французского министра» из рубрики «Дневник событий»). Соответственно, чтобы вывести себя и своих из-под удара, отдельные политические лидеры и правящее большинство принялись за морализаторство. Они встали на путь поиска внешних сил, на которые можно было бы свалить ответственность, радикального пересмотра многого из того, что ранее поднималось на щит[7]. Так, до глобального экономического кризиса банковская тайна рассматривалась как основа процветания в условиях открытой рыночной экономики. Существование офшоров всячески отстаивалось. Глобализация финансовых потоков и свобода движения капиталов подавались как благое дело.

В отношении всего этого, что подробно разбирается в выпуске, наступили новые времена. Ведущие державы судорожно приступили к отысканию дополнительных источников подпитки экономического роста и активно занялись борьбой с уклонением от налогов. Следующим шагом стало требование возвращения себе налоговых отчислений, утаиваемых или просто получаемых другими странами от нерезидентов. Кипр оказался так, полигоном, на котором отработали кое-какие вещи. Его же использовали для того, чтобы запустить не встречавшиеся в прошлом представления. Среди них вдруг, откуда не возьмись взявшиеся максимы об обязательном соотношении между реальным сектором экономики и сферой финансовых услуг. О том, что находящиеся в управлении состояния не должны превышать ВВП любой страны больше, чем в такое-то количество раз. Что экономика, в основе процветания которой лежит гипертрофированный финансовый сектор, несостоятельна и т.д. А о любом банковском счете, открываемом нерезидентами, сразу же надо сообщать куда следует[8].

Сразу же под удар попали Люксембург, Мальта, некоторые другие страны. Почему и как, подробно повествуется на страницах выпуска (в частности, в серии материалов из рубрики «Валюта», озаглавленных «Волна кипрского банковского кризиса докатилась до Люксембурга...», «... Мальты...», «... Австрии и Словении»). В том числе в привязке к сенсационным разоблачениям держателей тайных счетов в офшорах, разбросанных по всему свету (краткое пояснение читайте в материале «Нет покоя и в «налоговом раю» из рубрики «Дневник событий»). На очереди теперь Австрия с ее приверженностью к сохранению классической банковской тайны. Великобритания, подопечные офшорные территории которой являются фактическим продолжением Сити. Сама классическая банковская тайна. Да и офшоры – как неискоренимый реликт современной непрозрачной спекулятивной мировой

финансовой системы.

Все эти сюжеты, которым в выпуске уделено первостепенное внимание, несколько заслонили другие не менее важные процессы, разворачивающиеся на пространстве Европейского Союза. Поговорим теперь несколько подробнее о них.

Если вы помните, лейтмотивом предыдущего номера журнала стали три темы: раскол Европейского Союза по линии Север-Юг, углубление противоречий между ними в связи с неоднозначными последствиями проведения навязанной всем государствам-членам политики жесткой экономии и осмысление нарастающей напряженности внутри интеграционного объединения его политическим классом и экспертным сообществом. Все эти темы являются долгоиграющими. Они имеют ключевое значение для дальнейшего осуществления европейского интеграционного проекта и его возможной корректировки. В апреле они получили дальнейшее развитие, косвенное подтверждение чему вы найдете в ряде материалов выпуска. Может быть только, тональность обсуждения этих тем политическим и экспертным сообществом несколько эволюционировала.

Высказывания и комментарии стали злее, жестче, радикальнее. Поляризация сил и внутри ЕС, и среди тех, кто разбираются в происходящем или, по крайней мере, на это претендуют, усилилась. Речь уже не о некоторой плавной, частичной, непринципиальной корректировке курса жесткой экономии, как было раньше, а ее замене на восстановление потребительского спроса и стимулирование роста (что вновь означает массовые вливания необеспеченной денежной массы в финансовую систему). Не об обосновании необходимости смягчения политики затягивания поясов, принимая во внимание трудности, с которыми столкнулись отдельные страны при ее реализации, а о доказательстве ее врожденной порочности и ошибочности, о том, что в ее основе лежат ложные послышки, а то и прямой обман или корысть. Не о росте протестных настроений среди населения, а о коренном переформатировании политического пространства Европейского Союза в ущерб традиционным партиям и политкорректности и появлении новых мощных массовых политических течений, на знаменах которых начертаны требования распустить еврозону, предать евро анафеме, отказаться от осуществления европейского проекта в его нынешнем виде.

Структурирование изменений, связанных с поляризацией общественного мнения, как уже проявивших себя, так и еще только проступающих, но дающих о себе знать в экономике, политике и на уровне идеологии, только началось. Когда наступит перелом, и наступит ли он вообще, сказать пока сложно, хотя то, что интеграционное объединение подошло к нему, ощущается все сильнее. Поэтому не будем пытаться разложить все по полочкам. Лучше посмотрим вслед за авторами номера и реалистами из стана экспертного сообщества, что творится в реальной экономике отдельных стран, ведь именно она определяет как ожидаемые, так и непредсказуемые маневры политиков и политологический дискурс. Следующий шаг – проанализируем, какое новое прочтение дается происходящему различными политическими силами и разными группами влияния. Далее – остановимся на последствиях.

Лидерство в группе южан взяла на себя Франция. Оплотом и кумиром северян является Германия. Это уже само по себе серьезно осложняет ситуацию внутри ЕС. Ведь до сих пор мотором интеграции в регионе выступал франко-германский тандем. Лидеры обеих команд утверждают, что все или почти все остается по-прежнему. Просто стилистика

взаимоотношений несколько поменялась. Раньше, добиваясь поддержки электората, сор из избы не выносили. Теперь, напротив, заостряют расхождения. Их много. В том числе по внешнеполитической проблематике. В Германии несколько сдержанней относятся к внешнеполитическому авантюризму, использованию вооруженной силы и поставкам вооружений в зоны конфликтов.

Но главное, Париж и Берлин по-разному оценивают приоритеты общей экономической политики стран, входящих в интеграционное объединение. В Германии признают, что тяготы санации проблемных экономик очень велики. Однако сворачивать с выбранного пути не собираются. То есть сами не планируют и другим не позволяют. Ведь если не довести дело до конца, то пиши пропало. Огромные ресурсы, бросающиеся на борьбу с экономическим кризисом, будут уходить в песок. Без наведения порядка в государственных финансах и банковской системе добиться международной конкурентоспособности не получится. Предпринимаемые же меры дадут отдачу только в среднесрочной перспективе. Поэтому надо продолжать. С той же настойчивостью и принципиальностью, что и раньше.

Французы, напротив, настаивают на большей гибкости. Учете специфики каждой страны. Большой солидарности, естественно, за счет северян. Переносе центра тяжести на осуществление мер стимулирования экономического роста и создания новых рабочих мест. Снижении социальных издержек проводимого курса и т.д. Как видим, различия очень глубокие. Трудно преодолимые. Стоящие очень и очень дорого. Всем. И южанам. И северянам. И ЕС в целом.

Коллизия же в том, что преодолевать их по большому счету никто не собирается. Президент Франции Франсуа Олланд и правительственное большинство пришли во власть под обещания смягчить политику затягивания поясов, вывести страну на траекторию здорового экономического роста, сделать акцент не на экономии, а на производительных инвестициях. Им отступить некуда. Отказ от выполнения обещаний, чем бы его ни объясняли, пренебрежение ранее провозглашенными целями смерти подобно. Политической, конечно же. Но всё-таки.

Канцлер Германии Ангела Меркель и христианские демократы от своей линии тем более отступать не будут. У них на носу выборы. Тут не до мягкотелости. Получается фактически своего рода тупик.

Однако это только одна сторона медали. Есть и другая. Экономический курс, реализуемый «двадцатью семью», очевидно на руку Берлину. Германия стремительно усиливается. Причем не только в финансовом и экономическом плане, но и во всех других отношениях. От нее в ЕС теперь все зависит. И настоящее, и будущее интеграционного объединения. Все это прекрасно понимают. Она все чаще начинает брать ответственность на себя. В том, что касается формулирования общей политики ЕС и ее осуществления. Иначе говоря, она начинает доминировать в регионе.

С этим уже Париж смириться никак не может. Это противоречие, или даже противостояние по линии Север-Юг иного порядка. Экзистенциалистского. Связанного с самоощущением как великой нации и великой державы. С самоидентификацией. С местом в мировом табеле о рангах и всем остальным.

На этом фоне особую обеспокоенность вызывают несколько моментов. На них мы указывали ранее. Затрагиваются они и в этом выпуске. Причем, в самых различных его разделах. Более обстоятельно о них речь пойдет, видимо, в последующих номерах журнала. Причем они вызывают обеспокоенность отнюдь не только у французов. Хотя у них в первую очередь. Но и у северян во главе с немцами, всех других региональных игроков, нечленов (стран, не входящих в ЕС), государственных деятелей, политиков, представителей экспертного сообщества.

(1) Вместо того чтобы улучшаться от лекарств, прописанных национальной экономике, ситуация во Франции продолжает ухудшаться. По всем азимутам. Первое. Согласно данным национальной службы статистики[9], увеличивается число безработных. Это самое тяжелое проявление кризиса. Безработица растет без перерыва 28-й месяц подряд. Медленно, но верно дело движется к тому, что будет перекрыт исторический рекорд, естественно в кавычках, 1993 г.

Второе. Впервые за последние три десятилетия (точнее, впервые с 1984 г.) понизилась покупательная способность населения. В какой-то степени это ожидаемый результат массовой ликвидации рабочих мест. В какой-то степени сказывается кумулятивное действие повышения налогов, с одной стороны, и сокращения государственных расходов на социальные нужды, с другой.

Третье. Показатели экономического роста в первом квартале 2013 г. замерли на нулевой отметке. В сравнении с другими не так плохо. В некоторых странах еврозоны и ЕС в целом свирепствует рецессия. Но это вряд ли может служить утешением.

Четвертое. Правительству не удалось снизить дефицит бюджета до обещанных 4,5%. В 2011 г. он составил 5,3%. В 2012 уменьшился до 4,8%. Значит, потребуются еще более драконовские меры экономии, чтобы через несколько лет выйти на сбалансированный бюджет. А ведь и от уже осуществляемых все стонут.

Пятое. Суверенная задолженность в очередной раз подскочила вверх. За 2012 г. она выросла на 116,9 млрд евро и составила к началу 2013 г. 1833,8 млрд евро. По отношению к внутреннему валовому продукту суверенная задолженность увеличилась на 4,4 процентных пункта. В конце 2011 г. она равнялась 85,5% ВВП. К началу 2013 г. достигла 90,2% ВВП. Государственные расходы, таким образом, росли значительно быстрее, чем хозяйственный комплекс страны. Причем, если в 2011 г. они увеличились на 2,1%, то в 2012 г. уже на 2,9%. А не наоборот, чего ожидали от правительства президента Франсуа Олланда. За 2013 г., поскольку сокращение расходов, предписываемое контрольными цифрами, оно себе позволить не может, задолженность еще вырастет. Теперь уже до 94,3% ВВП. Государственные расходы составят 56,9% ВВП. Только к 2017 г. задолженность, но только согласно новым обещаниям, снизится до 70% ВВП[10].

Шестое. Еще с 1997 г. торговый баланс Франции начал ухудшаться. Никаких изменений к лучшему с тех пор не произошло. Как следствие пошло увеличение внешнего долга. По данным Европейской Комиссии, он особенно подскочил в 2011 г. Если так будет и дальше продолжаться, отмечается в апрельском докладе Комиссии, надежд на экономический рост останется еще меньше[11].

Седьмое. Вопреки всему вновь выросла почасовая оплата труда. Это легло дополнительным бременем на государственные предприятия и частный бизнес. Их конкурентоспособность вновь снизилась. Внедрение инноваций замедлилось.

Восьмое. Как прямое следствие кризиса, увеличилось количество разводов, и несколько снизилась рождаемость. Казалось бы, сие трудно поставить в один ряд с экономическими показателями. Но подобного рода социологические данные еще нагляднее характеризуют ситуацию в стране.

Девятое. Население начали охватывать пессимистические настроения. Опросы общественного мнения засвидетельствовали: все больше французов считают себя несчастными, высказывают неудовлетворенность своей жизнью и не верят в ее улучшение. Правда, стоит оговориться, что значение проведенных опросов сразу же попытались релятивизировать, а результаты поставить под сомнение[12].

Не лучше и ситуация в ЕС в целом. Повсюду на европейском континенте, но, прежде всего в южном подбрюшье ЕС, она продолжила ухудшаться. Только в Германии, Австрии и Люксембурге положение с безработицей оставалось более-менее терпимым. Она не превышала 5%. На Юге ситуация приблизилась к критической. В Греции безработица достигла 26,4%, Испании - 26,3%, Португалии - 17,5%. Можно ожидать, что в ближайшее время она на порядок подскочит на Кипре. В Италии и Франции показатели, как указывалось чуть выше, может быть, не столь удручающие. Тем не менее, и там безработица достигла такого уровня (11,6% и 10,8% соответственно) что, как утверждают отдельные комментаторы, эти страны вплотную приблизились к точке социального взрыва. Если принять на веру эти слова, то ситуация критическая и в еврозоне, и ЕС в целом. Ведь средний показатель по еврозоне, согласно подсчетам Евростата, опубликованным в первых числах апреля 2013 г., составил 12%. Годом ранее безработица удерживалась на уровне 10,9%. Ухудшение более чем значительное. Но это всего лишь относительные цифры. Абсолютные показатели еще страшнее. В еврозоне на улицу выкинуто 19 млн человек. В целом по ЕС - 26 млн.

Посмотрим теперь для сравнения на ситуацию в отдельных странах. С 1 июля ЕС пополняется новым членом - Хорватией. Но она приходит в ЕС со своими болячками и проблемами, которые лишь добавятся к имеющимся у интеграционного объединения. Экономический кризис в еврозоне, на которую завязана Хорватия, уже сказался на деловой активности. С 2009 г. Хорватия переживает рецессию. Безработицей охвачено 19% трудоспособного населения. За период, прошедший с 2008 г., потеряно 150 тыс. рабочих мест. И это на 4,4 млн населения. В феврале 2013 г. социал-демократическое правительство объявило о новых мерах жесткой экономии. На 3% сокращается зарплата госслужащих. И где - в стране, население которой считается одним из самых бедных в Европе (1 тыс. евро в месяц на семью из 4-х человек). Немудрено, что поддержка, оказываемая вступлению в ЕС, таеет. 22 января 2012 г. 66% хорватов проголосовало за членство в ЕС. По состоянию на начало апреля 2013 г. в его поддержку высказывалось только 45%. На выборах в Европарламент 14 апреля народ воспользовался предоставленной ему возможностью, для того чтобы выразить свое недовольство не столько национальной политической элите, сколько самому ЕС. К урнам пришло всего 20% электората. О какой легитимности институтов Европейского Союза после этого можно говорить. В самых смелых прогнозах указывалось, что хотя бы 30%, т.е. почти

треть имеющих право голоса все же придут для того, чтобы проголосовать. Что же касается Брюсселя, на Хорватии он ставит жирную точку в политике расширения интеграционного объединения. Пауза, как ожидают, затянется, как минимум, лет на 10 – 15. В лучшем случае.

Плохие вести вновь пришли из Мадрида. Банк Испании выпустил прогноз, согласно которому 2013 г., как и прошлый, будет для населения очень тяжелым. ВВП сократится на 1,5%. Ранее правительство обещало, что снижение не превысит 0,5%. Цены на недвижимость продолжат падать. Общее состояние экономики будет характеризоваться слабостью внутреннего спроса, неустойчивостью рынка труда и ограниченным доступом к заимствованиям.

Вместе с тем, в прогнозе содержатся и оптимистические нотки. Не исключено, говорится в нем, что страна достигла дна и вскоре начнет двигаться вверх. В 2014 г. рост составит предположительно 0,6%. Правда безработица останется на уровне 26,8%. Однако удастся ли выйти на траекторию стабильного роста, отмечают эксперты, будет зависеть от того, сумело ли правящее большинство воспользоваться паузой и подарком от ЕЦБ в виде дешевых кредитов для проведения действительно глубоких реформ. Пока сказать сложно[13].

Дело в том, что до реального сектора экономики кредиты не доходят. За 2012 г. финансирование реального сектора сократилось на 8% (в Португалии – на 4% и в Италии – на 3%)[14]. Предприятия сидят на голодном пайке. У среднего и малого бизнеса нет возможности выйти на международный рынок заимствований. А на внутреннем денег просто нет. Что это означает для страны, где крупные компании редкость, объяснять не нужно. За пять лет кризиса разорилось 450 тыс. малых и средних предприятий. Чудовищная цифра[15].

Как следует из апрельского доклада Европейской Комиссии, резко ухудшились макроэкономические показатели Словении, долгое время остававшейся одной из наиболее преуспевающих стран последней волны расширения ЕС. Частный сектор залез в неподъемные долги. Над финансовой системой Любляны нависла нешуточная опасность (как описывается в материале «Словения – следующий кандидат в получатели помощи?» из рубрики «Валюта»). В силу их взаимосвязанности и над способностью государства расплачиваться по долгам тоже[16]. Забила в набат и ОЭСР[17].

О стремительном ухудшении экономического положения говорят не только сухие данные статистики. Не менее показательны и изменения в настроениях электората. Никакие политические партии не могут их игнорировать. Соответственно в Португалии социалисты, поддержавшие в начале пакет мер жесткой экономии, согласованных правительственным большинством с «тройкой», заявили: все, «баста!», с поддержкой покончено. Правительство не справилось. Оно не смогло достичь намеченных целей[18]. Выработанный курс оказался ошибочным. И суверенный долг, и дефицит бюджета выше, нежели на момент одобрения пакета. Так, бюджетный дефицит вырос с 4,4% ВВП в 2011 до 6,4% в 2012 г. Рецессия глубже, чем когда бы то ни было. Хотя, уверяет правительство, 92% того, что от него требовала «тройка», оно выполнило. Страна, пораженная экономическим спадом и массовой безработицей, погрузилась в омут безысходности. Добавьте к этому еще решение Конституционного суда, признавшего ряд мер экономии противоречащими Основному закону государства[19]. Теперь картинка более-менее полная. «Без европейского плана содействия росту, — суммирует Файнэншл Таймс, — жертвы, принесенные Лиссабоном, могут оказаться напрасными»[20].

Но вернемся к лидеру южного клана – Франции. Само собой, что в условиях стремительного ухудшения экономического положения, несмотря на проведение политики, вроде бы скроенной по лекалам ЕС, правящее большинство должно сваливать на кого-то ответственность за свои собственные промахи. На предшественников не получается – слишком много времени прошло. Остается либо на Брюссель, который требует придерживаться ориентиров, общих для всех государств-членов. Либо на якобы навязываемую южанам слишком уж ригидную политику жесткой экономии. Или на те силы, которые стоят и за ЕС, и за такой политикой. То есть на Германию...

(2) Не предлагая эффективного плана «Б» восстановления экономического роста и выхода из кризиса задолженности и не будучи в состоянии продать свою линию, французское руководство начинает все активнее критиковать общий экономический курс, согласованный в рамках еврогруппы и ЕС в целом[21]. В своем телеобращении к нации 28 марта 2013 г. Франсуа Олланд неоднократно возвращался к этой теме. Цитаты из его выступления затем были широко растиражированы мировыми СМИ. Приведу некоторые из них, привлекая особое внимание. Вот они. «Повсюду в Европе популизм поднимает голову..., — предупредил глава государства. – Замкнуться в рамках политики жесткой экономии значит приговорить Европу к взрыву». Более развернуто: «Продолжая политику жесткой экономии, мы сегодня идем на риск того, что уменьшить дефицит у нас так и не выйдет, а вот непопулярные правительства, которые станут в какой-то момент легкой добычей популистов, мы получим наверняка».

Одни интерпретировали эти слова как предупреждение руководству ЕС[22]. Другие – как выражение озабоченности по поводу возникновения внутри ЕС разделительных линий между Севером и Югом, особенно после истории со «спасением» Кипра[23]. Третьи – как стремление оттенить приверженность альтернативе. Она, по мнению Франсуа Олланда, состоит в решении задач экономического роста и создания новых рабочих мест[24]. Как бы то ни было, важно, что они прозвучали. Причем из уст того, кто определяет и выражает внутреннюю и внешнюю политику Франции. То, что за этими словами последуют практические дела, не вызывает сомнений. Вопрос, какие...

С критикой жесткой экономии французское руководство попало в десятку. С рецептами выхода из кризиса пока нет. Стихийно Париж оказался выразителем нового тренда в мировой политике и экономике. Его проводником. Идейным вдохновителем. Апологетом. Сейчас против курса, проводимого Брюсселем и Берлином и навязываемого ими всем остальным, выступают все более влиятельные силы. Это и США, и МВФ, и складывающееся большинство в среде экономистов и политологов. Однако по порядку.

На протяжении уже длительного времени США выступали с довольно острой критикой ЕС. И в рамках G20, и на других глобальных форумах. Американцы предупреждали о том, что медлительность Брюсселя в решении проблем региона опасна для мировой экономики. Генерируемая здесь нестабильность переливается за пределы ЕС. Она увеличивает риски. Усиливает диспропорции. Мешает скорейшему восстановлению нормальных мирохозяйственных связей. Однако критика носила преимущественно общий характер. До более назидательного менторства дело не доходило. До поры, до времени.

Последние вояжи высокопоставленных американских политиков и чиновников (в частности нового министра финансов Джека Лью) показали: администрация устала бросать слова не

ветер. В призывах к есовцам появилось гораздо больше настойчивости и конкретики. Из-за океана от Брюсселя фактически потребовали перестать стричь всех под одну гребенку. Осуществлять политику жесткой экономии гораздо более гибко и точно. Не делать ставку только и исключительно на нее. Испробовать и другие подходы. В частности, не принуждать те страны, где и так все плохо, к неподъемной экономии. Одновременно, существенно повысить государственные расходы в тех из них, которые чувствуют себя достаточно уверенно. Тогда и всем остальным станет легче дышать. В целом стимулировать спрос[25].

Характерно, что институты ЕС откликнулись. В частности, Европейская Комиссия также призвала Германию больше тратить. Среди других подготовленных ею рекомендаций по стимулированию спроса – меры, направленные на то, чтобы допустить большую конкуренцию в секторе услуг, активнее помогать женщинам выходить на рынок труда, запустить спираль повышения заработной платы работников вслед за ростом производительности труда[26]. Но Берлин, как и остальные северяне, обращенные к ним призывы проигнорировали.

Вслед за Вашингтоном эстафету подхватил Международный валютный фонд. Во всяком случае, готовится к этому. Не может же он действовать вразрез с американцами. Сначала МВФ выступал в традиционном для себя ключе. Он активнее всех добивался от проблемных стран осуществления жестких мер, непримиримости в борьбе за сбалансированность бюджетов, последовательности в санации национальных финансов и банковской сферы. Утверждалось даже, что МВФ старается быть святее Германии. Что председательница МВФ, француженка Кристин Лагард заставила колеблющихся лидеров ЕС пойти на странное спасение Кипра за счет самого Кипра, вернее, тех, кто доверил деньги его банкам. Что она очень близка с министром финансов Германии Вольфгангом Шойбле и т.д.

Однако с влезанием в дела ЕС, особенно тем, насколько он помог его государствам-членам погрузиться в рецессию, МВФ сильно подставился[27]. С одной стороны, ему стали справедливо указывать на то, что в принципе он создан вовсе не для того, чтобы заниматься одной только богатой Европой. Тем более в первую очередь ею. Принялись усиленно напоминать, что у него есть и другие обязанности. Прежде всего, по отношению к бедным странам. С другой стороны, ставить на вид, что он руководствуется отнюдь не интересами общего блага. Сетовать, мол, как-то неловко видеть МВФ в качестве проводника политики отдельных стран еврозоны. Причем, похоже, непоследовательной, предвзятой и своекорыстной. С третьей – задаваться вопросом о том, как после всех продемонстрированных им недостатков и несоответствий ему вообще можно доверять. Ведь он не в состоянии помочь даже богатым странам, у которых в принципе все есть, которые получают средства к тому же, в отличие от других, из разных источников. Проповедуемые им меры и подходы не срабатывают даже в самой благоприятной среде. Он запятнал себя скандальной историей с маленьким Кипром. На нем лежит ответственность за то, как и что с ним сделали.

Чтобы реабилитировать себя, МВФ придется менять галс. Объективно, поскольку прежняя политика не работает. Субъективно, с учетом того, что его к этому подталкивает главный патрон — США. Субстантивно, принимая на вооружение подходы, которые в какой-то степени порывают с дискредитировавшими себя. К власти в МВФ, вернее, к определению его стратегической линии, утверждают осведомленные журналисты, приходит новая группа людей. Их кредо – отказ от зашоренной ортодоксальной политики жесткой экономии в пользу

стимулирования роста, способного решить все остальные проблемы.

Разворот в этом же направлении в среде экспертов произошел намного раньше. С разрушительным влиянием безоглядного сокращения государственных расходов любой ценой им все стало ясно уже относительно давно. Негативные последствия проведения политики жесткой экономии ощущаются все сильнее, утверждают громче и настойчивее многочисленные диссиденты в стане экономистов, т.е. те, кто разочаровался в ней, увидел, что в реальности происходит, убедился в порочности прописанного лечения. А благоприятные начнут сказываться позже. Или намного позже. То что, как уверяет Европейская комиссия, уже (!) начиная с 2014 г., мало кого устраивает. Мнение хулителей политики жесткой экономии все более охотно тиражируют мировые СМИ, выходящие на всех других языках, кроме немецкого. Прежде всего, французские, а также испанские, итальянские и т.д. по списку[28].

В интерпретации популярной французской газеты «Монд» оно звучит так: «Послушать армию экономистов, виновный в происходящем уже установлен – это затягивание поясов». И далее: «Политика слишком быстрого сокращения бюджетных дефицитов, слишком резкого и одновременного, которую страны Евросоюза вынуждены были проводить в 2010-2011 гг., привела к удушению экономики, развалу промышленности и ликвидации миллионов рабочих мест».

Причем тиражируют газеты не только обвинения, выдвигаемые экономистами против тех, кто навязывает другим политику жесткой экономии, но и их алармистские предупреждения. Именно они выдвигаются на первый план. Такие предупреждения множатся: продолжение прежней политики привет к углублению экономического спада, стагнации, росту безработицы. В частности, во Франции аж до 13% работоспособного населения (вспомните, что говорится о накоплении горючего взрывного социального материала). Удар, наносимый подобным экономическим или, точнее, политическим курсом, приносящим в жертву ранее принятые модели социально-экономического развития, слабые экономики, задавленные унифицированными требованиями еврозоны, просто не вынесут.

Главное – зачем. Если бы затягивание поясов работало, одно дело. Но оно не просто вызывает обратный эффект. Оно, похоже, в принципе не может дать ожидаемый результат. В основе политики жесткой экономики, утверждают экономисты, которым пришло в голову перепроверить утверждения апостолов прежнего курса, лежат ложные предположения. В 2010 г., когда все по-настоящему в Европе только начиналось, вышел фундаментальный труд гарвардских ученых Кармен Рейнхарт и Кенетта Рогофф “Growth in a Time of Debt”[29], ставший настольной книгой чуть ли не для всех современных государственных деятелей, вовлеченных в разработку национальной и международной экономической стратегии. В нем на представительной выборке данных из современной экономической истории разных стран доказывалось, что относительно высокие темпы экономического роста возможны только тогда, когда суверенная задолженность не превышает определенного уровня.

Авторы вывели чуть ли не математическую закономерность, согласно которой превышение 90% порога задолженности убивает экономический рост. Он становится невозможным. Это вывод на весь период до весны 2013 г. считался непреложно установленной истиной. Ссылками на нее объяснялись очень многие из реально принятых экономических решений.

Фактически с ее помощью был обоснован курс МВФ и ЕС на навязывание большой группе государств-членов интеграционного объединения скорейшего снижения чрезмерно высокой суверенной задолженности любыми, в том числе самыми драконовскими мерами.

Как совершенно случайно выяснилось другой группой экономистов, на этот раз из Университета в массачусетском Амхерсте, никакой закономерности нет[30]. Тем более универсального характера. А есть элементарная человеческая глупость. Вывод, сделанный культовыми людьми, был принят на веру. Его не перепроверяли. А надо было. Когда это сделали, оказалось, что работа, принадлежащая перу нобелевского лауреата, выполнена неряшливо. С использованием недостоверной техники обработки данных. С многочисленными статистическими ошибками и передергиванием. Чуть ли не с подтасовками.

При пересчете Томас Херндон, Майкл Эш и Роберт Поллин обнаружили, что соотношение между ростом и задолженностью варьируется в очень широком диапазоне. Зависит от большого числа факторов. Для разных этапов экономического развития оно разное. И для стран, сильно отличающихся друг от друга. Но главное – достоверные, а не мифические статистические выкладки убеждают, что никакого коллапса при превышении 90% порога не происходит. Экономике продолжают расти. Менее быстрыми темпами, но расти. Хотя и снижение темпов роста при определенных обстоятельствах не является обязательным. Молиться на 90%, как вдруг стали делать последние три года, нет никаких оснований. Кроме того, соотношение между ростом и задолженностью не вписывается в предписанную ему кембриджскими гуру, причинно-следственную зависимость.

Конечно, ястребы от политики жесткой экономии в обоснование своей позиции ссылались отнюдь не только на выкладки, которые сейчас без труда оспариваются. Но и другие выдвигаемые ими аргументы, похоже, тоже не вызывают доверия. Сверхвысокая задолженность США не влечет за собой ни сверхвысокой инфляции, ни увеличения процентных ставок. Да и обслуживание долга обходится казне дешевле, чем раньше. Вывод напрашивается сам собой. Приносить экономический рост в жертву чему бы то ни было нет никаких оснований. Точно также как отказываться от стимулирования спроса и предложения. Политика жесткой экономии в том виде, в каком она проводилась ЕС на протяжении всех последних лет, порочна. Рецепты, выписываемые всем проблемным странам, лишь подрывают их силы, вместо того, чтобы ставить на ноги.

С этим выводом, похоже, начинает солидаризироваться большинство экономистов. Таким образом, с доказательством несостоятельности политики жесткой экономии в условиях длительного спада деловой активности и разнонаправленного развития отдельных частей региона и требованием ее замены на что-то другое выступают слишком многие. Старый тренд, очень похоже, будет сломан. Но чтобы это произошло, одних экономических выкладок явно мало. Вот и получается, что противоборство курсу на затягивание поясов принимает форму нападков на Германию, противостояния ей, упреков Берлина во всех тяжких, включая стремление к диктату и пренебрежение всеми другими. Одной лишь критикой недостаточно гибкого, выборочного и слишком уж жесткого экономического курса, написанного под диктовку Германии, дело явно не ограничивается.

(3) Рука об руку с такой критикой идет противопоставление Парижа и иже с ним все менее и менее любимым северянам. Еще шаг, и последуют неприкрытые обвинения в их адрес. Похоже,

все к этому идет. Из маленького Люксембурга, хотя он, вроде бы никак не может быть заподозрен в принадлежности к группе южан, они уже прозвучали. Руководство страны вынуждено было отреагировать на высказывания министра финансов Германии Вольфганга Шойбле и ряда других политиков о том, что бизнес модели некоторых стран региона несостоятельны, представляются рискованными и должны быть изменены. Давая им отповедь, министр иностранных дел Люксембурга Жан Ассельборн не стеснялся в выражениях. Претензии Берлина на то, чтобы диктовать другим, как строить свою экономику, он квалифицировал ни много, ни мало, как «стремление к гегемонии»[31]. В местной прессе их окрестили «самым настоящим шантажом страха»[32]. Ничего подобного из Европейского Союза мы давно не слышали.

Французское руководство себе такого еще не позволяет. Хотя некоторые члены правительства уже открыто говорят о том, что нужно идти на настоящее столкновение с Ангелой Меркель, чтобы добиться отмены потолка бюджетного дефицита, объединить нацию вокруг идеи национального суверенитета и «проводить на европейской арене в десять раз более наступательную политику»[33]. Но антигерманские настроения во французской прессе уже присутствуют. «Растет ощущение того, — читаем мы в редакционной статье не какой-нибудь желтой газетенки, а респектабельной Файнэншл Таймс, — что Европа стала заложницей выборов в Германии». Откуда антигерманские настроения берутся, в принципе понятно. Поводов для их проявления предостаточно (Некоторые из них анализируются в материале «Почему Германия стала пугалом» из рубрики «Ситуация»). Ведь невооруженным взглядом видно, какие бедствия кризис и попытки выхода из него с помощью рецептов жесткой экономии принесли Греции, Португалии, Испании и Италии. К ним в одночасье прибавился разоренный Кипр. Скоро надо будет добавлять «и Франции». В то время как северяне чувствуют себя вполне комфортно.

В какой-то степени, как считают на Юге, кризис северянам даже помог. Кое-что они от него выиграли. Однако поводом для негативного освещения Германии и проводимого ею курса, для публичного раздувания пока еще не капании, а, скажем, намека на кампанию послужила кипрская история. Понятно, что решение по издевательскому и разорительному пакету помощи островному государству было принято еврогруппой единогласно. Известно, что все на него согласились. Французское руководство никогда не скрывало, что активно выступало в его пользу.

Тем не менее, ничтоже сумняшеся, журналисты и комментаторы утверждают, что именно Берлин продал через еврогруппу удобный ему подход. Что он навязал его всем остальным. Что только он и никто другой несет за него ответственность. А, глядя на страдания киприотов и осознавая безысходность положения, в которое их поставили, неприязнь к Германии, утверждают сердобольные журналисты, нельзя не испытывать. Заодно и в связи с навязанной ею же всем остальным политикой жесткой экономии[34].

Вдумайтесь, популярная французская газета «Монд» целых два разворота посвящает подробнейшему описанию того, как в Европе ненавидят Германию[35]. Мол, ее винят во всех своих бедах, тяжелом экономическом положении, безработице, обнищании. Она, дескать, навязала пагубную политику всем остальным. Повсюду, в Афинах, Лиссабоне, Мадриде, Никосии, Риме вспоминают недавнее нацистское прошлое нынешнего европейского гегемона.

На демонстрации народ выходит с плакатами, на которых Ангела Меркель изображена с усиками под Гитлера. С посольств беспрепятственно срывают немецкие государственные флаги и т.д. Причем описывается все так смачно. Красочно. Обсасывается до косточки. Плюс сопровождается глубокомысленными рассуждениями по поводу того, что так не договаривались. Что Германия нынче действительно сделалась самой-самой. И богатой. И влиятельной. Вот США, чтобы им не завидовали и их не ненавидели, спрятались за ширму МВФ. А у Берлина не получается – уши торчат. Поскольку европейские институты хилые, и с демократической легитимностью слабовато. Дальше вообще начинается разбор того, как именно к Германии относятся в разных странах. Каковы нюансы. Что именно и где ей инкриминируют. Все это вызывает внутреннее отторжение. Как будто испытал что-то похожее на дежавю.

Дело зашло настолько далеко, что французы сами начали высмеивать свои собственные претензии и фобии. Причем делать это мастерски. Обидно. С издевкой. Без прикрас. Грех не привести некоторые пассажи из очень неплохо написанного опуса о претензиях Парижа на лидерство в разных областях европейского строительства, лишь слегка их отредактировав, чтобы они стали несколько более понятными[36].

Париж во главу угла экономической политики хочет поставить экономический рост. Берлин считает истеричные заявления руководства Франции на этот счет чистой воды популизмом, не заслуживающим даже внимания. За пустыми лозунгами экономического роста сменяющие друг друга кабинеты Лионеля Жоспена, Жака Ширака, Николя Саркози, теперь Франсуа Олланда прятались для того, чтобы ничего не делать. Чтобы затягивать осуществление структурных реформ. Отказываться от снижения государственных расходов, чего от них всегда ждали. Экономический рост французы убили своими собственными руками, молотя дубинкой увеличения налогов налево и направо. Опять-таки вместо того, чтобы сокращать расходы.

Париж мечтает о единой есовской обороне и настаивает на том, чтобы Германия взяла на себя большую ответственность. Берлин весьма прохладно относится к французскому интервенционизму. Вчера – в Ливии. Сегодня – в Мали. Завтра, что не исключено, – в Сирии. Но если Германия действительно увеличит свои военные расходы до 2,6% от ВВП, как в Великобритании, она моментально обгонит Францию, Великобританию и Россию вместе взятых и превратится в третью мировую военную державу после США и Китая. Что, французы действительно этого хотят?

Париж настаивает на девальвации евро. Объединенный Север ЕС этому противится. Ему девальвация не выгодна. Она могла бы помочь, наверное, только экономикам с низкой конкурентоспособностью, от Греции и Португалии до Испании с Италией, или со средней, до которой скатилась Франция. Но стоило в прошлом об этом заикнуться Николя Саркози, например, выступая в Европарламенте, как он сразу получал по рукам от Ангелы Меркель. В этом плане во взаимоотношениях между Франсуа Олландом и германским канцлером ничего не изменилось. Курс определяет ЕЦБ. За ним стоит Германия. Они являются «господином евро». Но не выдуманным, а настоящим. Потому что они лишь следуют за свободным рынком. Он определяет паритеты валют. Из этого же, кстати, исходит и G20.

Париж борется за социальную Европу. В частности, он хотел бы все унифицировать и гармонизировать в этой сфере. Начиная от социальных выплат и заканчивая налогами. Кроме

него, никто, похоже, этого не хочет. Все почему-то считают, что во Франции налоги душат предпринимательство. Рынок труда считают зарегулированным. Рабочую неделю – нереалистичной. А неповоротливость французской системы – виновной в катастрофическом положении с безработицей. Эту что ли ситуацию унифицировать и гармонизировать в масштабах ЕС? В свое время Герхард Шредер издевался над Лионелем Жоспеном: мол, хотел бы я посмотреть, как это можно уменьшать рабочий день, не сокращая заработную плату. Хотите, делайте, только отдавая себе отчет в том, что вы своими руками превращаете германскую экономику в гораздо более конкурентоспособную. В 2005 г. Париж зарубил директиву Болькештайна о предоставлении услуг. Если бы она была принята, услуги иностранных фирм и работников можно было бы оплачивать по ставкам, принятым в их странах. С тех пор социальная Европа стала пустым звуком. Французское руководство это хорошо знает.

Уже долгие годы Париж сражается за то, чтобы оставить штаб-квартиру Европарламента в Страсбурге. Абсолютно все «против». Европарламентарии восстают. Понятное дело – полный абсурд постоянно мотаться из Брюсселя, где ведутся все дела и расположены другие институты ЕС, на северо-восток Франции. Однако Париж настаивает на неукоснительном соблюдении соответствующих норм европейского законодательства. Такой пиетет к праву и международным обязательствам был бы весьма похвален, если бы не одно «но». Когда это нужно меняющемуся руководству страны, оно из конъюнктурных соображений весьма вольно трактует те же самые нормы. Вспомним, ведь именно Париж в свое время подорвал пакт стабильности, ускорив в какой-то степени падение ЕС в кризисное пике. Да и сейчас Париж отрещивается от взятых им на себя обязательств в кратчайшие сроки сократить бюджетный дефицит, как это предписывается только что утвержденным договором о бюджетно-фискальном союзе.

Париж стремится ко всяческому укреплению Европейского Совета. Он добивается того, чтобы Европейский Совет венчал всю систему институтов Европейского Союза и позиционировался как вершина властной вертикали. В свое время президент Франции Жискара Д'Эстен настоял на включении регулярных встреч глав государств и правительств в систему главных органов ЕС. И сейчас Париж последовательно придерживается этой позиции. Почему, ни для кого не секрет. Ведь французский президент намного сильнее, чем любой другой европейский глава государства. В его руках огромные полномочия. Ему гарантированы пять лет безоблачного властвования. Его никто не может сместить. Ему не нужно отчитываться перед стоящим за ним правящим большинством. Естественно, что ставка в продвижении интересов Франции делается именно на него и Европейский Совет. Парадокс заключается в том, что в результате этого французы пренебрежительно относятся ко всему другому есовскому инструментарию. Остальные страны, остальные делегации тщательно готовятся. Прорабатывают досье. Проводят межминистерские согласования. Формируют временные межстрановые альянсы. Консультируются со своими парламентариями. Подготавливают общественное мнение. Французы же нет. Политическая бюрократия ждет указаний от президента. Только после этого начинаются активные действия. Беда только в том, что они неизменно приходят с опозданием. Вот и получается, что французы включаются в игру тогда, когда она уже сделана. В этих условиях не остается ничего другого, как все свои беды, промахи и неудачи сваливать на Брюссель. Мол, наша позиция правильная, но окончательное решение навязывают нам сверху.

Наконец, культурная исключительность. Французская культура чрезвычайно богата и разнообразна. Франция всегда привлекала к себе лучших художников, архитекторов, писателей и композиторов. Она внесла огромный вклад в мировую сокровищницу. Ее культуру обязательно нужно защищать. Вопрос только в том, как и какими методами. Похоже, что Париж намерен это делать, торпедируя большой договор ЕС с Соединенными Штатами о создании трансатлантической зоны свободной торговли. Во всяком случае, он уже громогласно объявил, что рассматривает некоторые темы, включенные в реестр для переговоров, в качестве табу. А ведь это тот самый договор, который лидеры ЕС и государств-членов лоббировали столько лет. Договор, который способен вывести Европу из затянувшегося экономического спада. Документ, который вожделем промышленники и предприниматели с обоих берегов Атлантики.

Но это лишь хихоньки и хахоньки по поводу своих собственных амбиций. Гораздо серьезнее то, что реакцией на неприкрытую враждебность южан и раздающиеся со всех сторон упреки стало неприятие простыми немцами, а за ними и частью истеблишмента складывающегося положения. С какой стати, считает обычный средний обыватель, нам тащить остальных. Почему мы должны оплачивать чужие счета - они наделали кучу долгов, они жили не по средствам, они роскошествовали, пока мы трудились - вот они пусть и раскошеляются. Разве справедливо то, что с десятков лет мы затягивали пояса, отказывали себе во всем необходимом, годами дожидались прибавки к жалованию. А нам еще в лицо свиньей тычут. Вместо того чтобы в пояс кланяться и благодарить, не переставая. Нет, такой союз нам не нужен. Ну его. Пусть им подавятся. Из нас не надо делать столь радующий душу образ врага, разъясняют интеллектуалы. Ни к чему хорошему это не приведет. Лучше сами займитесь реформами и проводите дельную экономическую политику[37].

Подавляемая враждебность к ЕС, к неблагодарным и ненужным немцам южанам долго накапливалась. Зрела. Усиливалась. Но не находила выхода. Не получала политической артикуляции. С учреждением политического движения «Альтернатива для Германии» ситуация в корне изменилась. Какие это будет иметь внешнеполитические последствия, как отразится на официальном курсе страны, к каким перестановкам во власти поведет, никто пока не берется предсказывать. Вместе с тем, некоторые аналитики вполне уверенно прогнозируют, что шансы на отказ Берлина от единой европейской валюты в пользу возвращения к национальной - любимой и ненаглядной дойче марке, серьезно возрастают[38]. В свою очередь, Федеральный союз оптовой и внешней торговли ФРГ предупреждает: разделение ЕС на Север и Юг - худший из возможных сценариев. Но он реален. К нему нужно быть готовыми (о чем можно прочитать в материале «Германские экспортёры опасаются распада Европы» из раздела «Интеграция»).

На скрижалях новой партии написано фактически только одно, хотя программный манифест несколько объемнее и занимает три страницы. Суть передается пунктом 2, гласящим, что «с обратного введения дойче марки должно быть снято табу». В переводе на обыденный язык вся программа сводится к отказу от евро и возвращению к национальной валюте. Под этим лозунгом, как показывают недавние опросы общественного мнения, могут подписаться до четверти немецкого электората. В возрасте от 40 до 49 лет - 40%[39]. Что собой представляет партия «Альтернатива для Германии», и кто ее возглавил, хорошо показано в статье «Чего хотят возмутители спокойствия?» из рубрики «Политика». Какое ее ждет будущее, мы будем

вместе с вами самым подробным образом отслеживать в последующих выпусках журнала.

А пока предлагаю вам, уважаемый читатель, заглянуть и в другие его рубрики. В частности, советовал бы в первую очередь открыть такие, как: «Без перевода», «Привычки и нравы», «Транспорт», «Энергетика», «Проблема», «Персона»... Ей-ей, вы сможете отдохнуть душой, читая быль о Королеве птиц, и поднабраться новой для себя информации о самых разных аспектах жизни ЕС. В них анализируется состояние отношений между Россией и ЕС в сфере мягкой безопасности. Рассказывается о том, какие перспективы ожидают европейских производителей авто с электрическими двигателями. Объясняется, сохранятся ли субсидии на энергию, и как будут эволюционировать цены. Содержится предупреждение о том, что произойдет, если человечество вплотную не займется спасением Мирового океана. И, естественно, большая биографическая статья посвящена Маргарет Тэтчер, которая останется в памяти потомков «человеком-эпохой». Так что, приятного чтения!

*© Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО (У) МИД России
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ*

---

[1] Литературный перевод с французского статьи Les bonus des traders europeen sa la toise. Editorial // Le Monde, 3-4 mars 2013. – P. 1.

[2] Philippe Ricard. Les Vingt-Sept s'appretent a plafonner les bonus des banquiers. Les primes ne pourront pas dépasser deux fois le salaire fixe. Londres reste hostile a ce projet // Le Monde, 1 mars 2013. – P. 15.

[3] Joshua Chaffin. Nicosia to impose curbs on capital // Financial Times, March 27, 2013. – P. 4; Joshua Chaffin. Cypriots fell the pain as damage spreads // Financial Times, March 27, 2013. – P. 4

[4] Thomas Wright. Europe in crisis I. E.U. leaders must act now to reverse a long spiral of disintegration // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 18, 2013. – P. 6.

[5] William Pfaff. Europe in crisis II. German abandonment of the euro is now a serious possibility. The single currency experiment is failing // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 18, 2013. – P. 6.

[6] Samuel Brittan. Forget trying to change Germany or any country // Financial Times, April 5, 2013. – P. 9.

[7] Andrew Higgins. Europe tries to close tax loopholes // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 11, 2013. – P. 16.

[8] Anne Michel, Clare Gatinois. La France a l'offensive contre les paradis fiscaux. Une piste: imposer un devoir d'information des qu'un Europeen ouvre un compte dans un autre pays que le sien // Le Monde, 10 avril 2013. – P. 12.

[9] Здесь и далее данные Национального института статистики приводятся по редакционной статье и другим материалам газеты «Монд», прежде всего, от 30 марта 2013 г. Editorial. De la clarte, monsieur le President! // Le Monde, 30 mars 2013. – P. 1 ; Claire Guelaud, Thomas Wieder. Le derapage budgetaire affaiblit la parole de M. Hollande. L'Insee a publie de mauvais chiffres sur l'aggravation du deficit et de la dette publique,

vendredi 29 mars, au lendemain de l'intervention du chef de l'Etat // Le Monde, 30 mars 2013. - P. 1, 2, 3.

[10] Hugh Carnegie. France delays targets for reducing its budget deficit // Financial Times, April 18, 2013. - P. 4.

[11] James Kanter. E.U. warns that trouble is brewing // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 11, 2013. - P. 14.

[12] Pierre Merckle. Mesurer le bonheur // Le Monde : science&techno, 30 mars 2013. - P. 1.

[13] Tobias Buck, Hugh Carnegie. Jobs data in Spain and France add to gloom in single currency bloc // Financial Times, March 27, 2013. - P. 4.

[14] Marie de Verges. En Europe du Sud, le "credit crunch" etrangle les PME // Le Monde, 5 avril 2013. - P. 15.

[15] Tobias Buck. Spain threatened by resurgent credit crunch // Financial Times, April 4, 2013. - P. 3.

[16] James Kanter. E.U. warns that trouble is brewing // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 11, 2013. - P. 14.

[17] Peter Spiegel, Nell Buckley. Slovenia rules out bailout as OECD warns banking crisis must be tackled // Financial Times, April 10, 2013. - P. 10; Editorial. Sliding Slovenia. It is time for Ljubljana to get a grip on its banking sector // Financial Times, April 10, 2013. - P. 8.

[18] Claire Gatinois. Pour tenir l'objectif de reduction du deficit, Lisbonne s'attaque a l'Etat-providence. La securite, la sante et l'education seront affectees // Le Monde, 9 avril 2013. - p. 16.

[19] Peter Wise. Austerity fails to pay off for Portugal PM // Financial Times, April 8, 2013. - P. 3; Claire Gatinois. Au Portugal, la politique d'austerite invalidee. La Cour constitutionnelle de Lisbonne a rejete, vendredi 5 avril, une serie de mesures de rigueur du budget 2013 // Le Monde, 7-8 avril 2013. - P. 14.

[20] Portugal needs time and reform. Shaking up the economy matters more than fiscal targets // Financial Times, April 9, 2013. - P. 8.

[21] Thomas Wieder. Austerite : le debat relance // Le Monde, 10 avril 2013. - P. 2 ; Arnaud Montebourg : «Cette politique conduit a la debacle» // Le Monde, 10 avril 2013. - P. 2.

[22] David Revault d'Allonnes. L'avertissement // Le Monde, 30 mars 2013. - P. 2.

[23] "Nous n'allons pas quitter l'euro". Chypre defend son plan de sauvetage tout en craignant des jours sombres // Le Quotidien, 30 mars - 1 avril 2013. - P. 7.

[24] Claire Guelaud, Thomas Wieder. M. Hollande face au casse-tete du derapage imprevu des deficits // Le Monde, 30 mars 2013. - P. 2.

[25] Lew prone la croissance dans l'UE // Le Quotidien, 9 avril 2013. - P. 8; Robin Harding, Quentin Peel. Lew urges EU to lift demand // Financial Times, April 10, 2013. - P. 2.

[26] James Kanter. E.U. warns that trouble is brewing // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 11, 2013. - P. 14.

[27] Ousmene Mandeng. The IMF must pull out of the troika if it wants to survive // Financial Times, April 18,

2013. – P. 9.

[28] Romain Perez. Marquons une pause // Le Monde, 9 avril 2013. – P. 8; Jean-Louis Dalbera. Attaquons-nous enfin au chantier des dépenses publiques // Le Monde, 9 avril 2013. – P. 8.

[29] У нас в качестве бестселлера разошлось их несколько более раннее произведение «На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства». В нем в легкой доступной манере исследовался богатейший фактологический материал из мировой истории финансовых кризисов и крахов, гиперинфляции, правительственных дефолтов по государственному внутреннему и внешнему долгу, циклических взлетов и падений цен на недвижимость и активы, динамики индексов ВВП, налоговых поступлений во время кризисов и т.д. Так что их авторитет никем не ставился под сомнение.

[30] Robert Pollin, Michael Ash. Why Reinhart and Rogoff are wrong about austerity // Financial Times, April 18 2013. – P. 9.

[31] Luxembourg minister says Germany seeks eurozone “hegemony” // Reuters, 26 March. 2013. – <http://www.reuters.com/assets/print?aid=USBRE92P0XF20130326>

[32] Marc Fassone. Dangereux amalgames // Le jeudi, du 4.4 au 10.4.2013. – P. 3.

[33] Thomas Wieder. Hollande: les scenarios d’un electrochoc. De nombreux ministres plaident pour un remaniement, voir une remise en question de la politique de rigueur // Le Monde, 5 avril 2013. – P. 10.

[34] “Nous n’allons”... Ibid. – P. 7.

[35] Claire Gatinois, Benoit Vitkine. L’Allemagne, bouc émissaire d’une Europe du Sud en crise // Le Monde, 24-25 mars 2013. – P. 2 ; Alain Salles. En Grèce, le souvenir obsédant de la guerre // Le Monde, 24-25 mars 2013. – P. 2 ; Sandrine Morel. Madrid entre critique et autocritique // Le Monde, 24-25 avril 2013. – P. 3 ; Frederic Lemaitre. A Berlin, les caricatures ont laissé la place à l’embarras // Le Monde, 24-25 avril 2013. – P. 3.

[36] Здесь и далее на основе Arnaud Leparmentier. Petit catalogue des opinions chics // Le Monde, 4 avril. – P. 20.

[37] Marcel Fratzscher. Scapegoating the Germans is tempting but wrong // Financial Times, April 11, 2013. – P. 9.

[38] William Pfaff. European Crisis II. German abandonment of the euro is now a serious possibility. The single currency experiment is failing // International Herald Tribune. The Global Edition of the New York Times, April 18, 2013. – P. 6.

[39] Frederic Lemaitre. Les ambitions des eurosceptiques allemands // Le Monde : Geo&Politique, 7 – 8 avril 2013. – P. 7.